

АЛЕКСЕЙ ЧЕРНЯВСКИЙ

ГРЕХИ
ВЫСШЕГО
ОБЩЕСТВА

КНИГА 3. ИМПЕРИЯ

18+

Алексей Чернявский

Грехи высшего общества.

Книга 3. Империя

«Автор»

2026

Чернявский А. А.

Грехи высшего общества. Книга 3. Империя /
А. А. Чернявский — «Автор», 2026

Покорив Москву и Лондон, мы думали, что сожгли последних врагов. Но на крайнем севере проснулась тьма, перед которой трепещут правительства. В ледяном аду полярной ночи наш атомный ледокол идет сквозь трехметровые торосы Севморпути, а наперерез выходят боевики наднационального картеля «Пентаграмма». Заминированные реакторы, диверсии на шельфе и тридцать заложников на дрейфующей льдине — нас пытаются стереть с полярной карты. Они думали, что холод остановит волков. Но Кирилл Северский не отступает. А я больше не просто аудитор — я соправительница империи, готовая крушить этот лед до самого дна. Если Арктика требует крови — мы заберем ее себе. Острсюжетный Dark Romance. Книга 3. Тетралогия «Грехи высшего общества». 18+

© Чернявский А. А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Чернявский
Грехи высшего общества.
Книга 3. Империя

Глава 1

Полярная ночь над Кольским полуостровом не знала рассветов — она знала лишь смену оттенков черного.

В десять часов утра за овальными иллюминаторами правительственного Ту-154М военной контрразведки стояла глухая, первобытная, плотная смоль. Ни намек на горизонт. Лишь далеко внизу сквозь разрывы низких снеговых туч тусклыми цепочками желтых огней мерцали причалы Мурманского морского торгового порта, судоремонтные доки Росляково и темная, свободная ото льда лента незамерзающего Кольского залива.

Бортовой термометр на навигационной панели салона высвечивал за бортом минус двадцать восемь градусов. Шквальный норд-ост с Баренцева моря нес тяжелые ледяные заряды, бросая сухую снежную крупу в титановую обшивку снижающегося лайнера.

В штабном салоне стоял запах крепкого кофе с кардамоном, морозного озона и дорогой кожи дорожных кофров.

Агния сидела в глубоком кожаном кресле у иллюминатора.

Она сменила столичный кашемир на полярную экипировку высшего класса: приталенный удлиненный пуховик из матовой темно-синей мембраны с глубоким капюшоном, отороченным густым черным баргузинским соболем, плотные термобрюки и высокие сапоги из непромокаемой яловой кожи на толстой рифленой подошве.

Темные волосы были собраны в тугую косу, уложенную под воротником. Раненое плечо, зажившее за последние недели, больше не напоминало о себе острой болью, оставив лишь тонкую белесую полоску на ключице.

На ее коленях лежал армейский защищенный планшет с гербом «Росатомфлота».

Агния изучала медицинское заключение и служебную биографию человека, чья смерть сорок восемь часов назад сорвала триумфальный старт их арктической программы.

Капитан-наставник Степан Ильич Валдайцев. Шестьдесят два года. Кавалер ордена Мужества и «За заслуги перед Отечеством». Человек-легенда, сорок лет водивший советские и российские атомные ледоколы сквозь трехметровые торосы Карского моря и пролива Вилькицкого.

Тело Валдайцева обнаружили вчера в полночь на технологической набережной базы «Атомфлот» — в пятидесяти метрах от парадного трапа головного атомного ледокола «Арктика-Лидер».

Официальное заключение ведомственной скорой помощи: острая коронарная недостаточность на фоне переохлаждения.

Неофициальная справка закрытой лаборатории Северного флота, прикрепленная к делу тремя грифами секретности: в микродозах подкожной клетчатки обнаружены следы синтетического паралитического токсина группы пептидов, блокирующего синусовый узел миокарда за сорок секунд без следов в стандартной токсикологии.

Кирилл стоял в проходе салона, держась одной рукой за верхний поручень.

На нем был тяжелый черный армейский бушлат из плотного полярного сукна с воротником из черной овчины, темный свитер крупной вязки с высоким горлом и армейские брюки. На поясе под расстегнутым бушлатом привычно темнела анатомическая кобура с девятимиллиметровым «Удавом». Его лицо с тонким шрамом на скуле было спокойным, сосредоточенным, готовым к боевому развертыванию.

— Валдайцев знал этот лед наизусть, — не поднимая глаз от экрана, заговорила Агния. Ее голос звучал ровно, с той самой холодной точностью, которая появлялась перед выходом на процессуальный штурм. — За последние два года по заказу Минприроды он лично провел гидрографическую разведку восточного сектора Карского моря.

Она вывела на экран карту шельфа: — Он нанес на секретные карты точные фарватеры прохода сверхтяжелых газозовов через мелководные банки Обской губы. Именно там, на глубине сорока метров под дном, залегают неосвоенные линзы сжиженного метана и редкоземельных металлов Штокмановского пояса.

Она подняла глаза на Кирилла: — Документы хранились на бумажных носителях в сейфе его служебной каюты на атомоходе. Валдайцев не доверял цифровым облакам. И три этих планшета исчезли в ночь его гибели.

Северский едва заметно прищурился. В его серых глазах вспыхнул тот самый опасный, ледяной огонь: — Картель «Пентаграмма» не теряет времени. Они поняли, что потеряли Москву и Лондон, и решили обезглавить навигацию на месте. Без карт Валдайцева караван супертанкеров нашего фонда не рискнет войти в Карские Ворота в условиях полярной ночи. Суда встанут на рейде, а контракт с китайцами начнет сжигать по пять миллионов долларов неустойки в сутки.

Кирилл накрыл ее ладонь на планшете своей тяжелой, теплой рукой: — Шасси выпущены, Агния. Мы на гласседе.

Аэродром совместного базирования Североморск-1 встретил их ревом реактивных сопел дежурных перехватчиков МиГ-31БМ и свирепым, обжигающим щеки ветром.

Здесь не было дипломатических церемоний.

На заснеженном перроне у трапа их ждал бронированный армейский микроавтобус «Фольксваген Мультивен» с колесной формулой 4x4 и спецсвязью. За рулем сидел офицер военной контрразведки Северного флота, а в салоне пару встречал начальник управления безопасности госкорпорации «Росатомфлот» контр-адмирал Дронов — коренастый, хмурый офицер в черной тулупной куртке с обветренным до медного оттенка лицом.

Машина сорвалась с места, уходя по закрытой объездной трассе через сопки в сторону мурманского микрорайона Роста.

— На объекте режим усиления «Гроза», — докладывал Дронов, пока за бронированными стеклами в темноте проносились заснеженные сопки и скальные срезы с торчащими мачтами радиолокаторов. — Выход каравана был назначен на тринадцать ноль-ноль сегодняшнего дня. Шесть газозовов фонда «Север Ассетс» стоят с прогретыми турбинами на внешнем рейде острова Кильдин. Но капитан головного атомохода «Арктика-Лидер» отказался сниматься с якоря без старшего лоцмана.

Дронов тяжело вздохнул, сжав массивные кулаки: — Запасные лоцманы есть, но никто из них не ходил по зимним фарватерам Карского моря с танкерами водоизмещением в сто сорок тысяч тонн. Риск посадки на мель колоссальный.

— Мы снимем этот риск, адмирал, — спокойно отозвался Кирилл. — Где тело Валдайцева?

— В закрытом морге гарнизонного госпиталя в Североморске. Каюту на ледоколе опечатали следователи военной прокуратуры флота. Никого внутрь не пускали до вашего прибытия.

Через тридцать минут микроавтобус миновал тройной рубеж КПП базы «Атомфлот».

Территория базы подавляла своим масштабом.

Среди черных гранитных скал Кольского залива, озаренных циклопическими прожекторами мачт освещения, у причальных стенок высились стальные исполины арктического флота — атомные ледоколы проекта 22220. Стосемьдесятиметровые корпуса с высокими двадцатиметровыми форштевнями, способными взламывать трехметровый сплошной лед, казались заснувшими титанами из темной стали. Над реакторными отсеками мерно поднимался легкий пар теплообменников.

У глубоководного причала № 2 стоял флагман — «Арктика-Лидер».

Огромный сине-белый борт возвышался над водой девятиэтажным домом. По трапу судна непрерывно поднимались вооруженные патрули морской пехоты в белых маскировочных халатах.

Седьмая палуба жилой надстройки ледокола встретила их гулкой корабельной тишиной и запахом свежей краски, машинного масла и сухого тепла судовой вентиляции.

Каюта капитан-наставника Валдайцева представляла собой двухкомнатный блок: рабочий кабинет с дубовым столом и спальня.

На массивной бронированной двери висела полоса бумажной ленты с сургучной печатью гарнизонной прокуратуры: «*Опечатано 2 декабря 2026 г.*».

Контр-адмирал Дронов сорвал пломбу, вставил электронный ключ-карту в ридер и распахнул тяжелую дверь.

Кирилл и Агния вошли внутрь.

В каюте стоял идеальный морской порядок: корешки навигационных справочников на полках, штурманские линейки, аккуратно заправленная койка. На прикроватной тумбе стояла недопитая чашка остывшего цейлонского чая.

Северский надел тонкие хирургические перчатки, медленно обводя помещение взглядом профессионального диверсанта.

Его внимание мгновенно привлек круглый открывающийся иллюминатор, выходивший на открытую внешнюю технологическую галерею правого борта.

Иллюминатор был захлопнут на барашковые закрутки, но на резиновом уплотнителе со стороны палубы белел тонкий налет замерзшего конденсата.

Кирилл подошел вплотную, включил подствольный фонарь «Удава» и направил узкий луч на нижнюю кромку резинового жгута: — Сюда, Агния.

Агния подошла, заглядывая через его плечо.

В косом свете диода на черной резине уплотнителя отчетливо просматривался микроскопический, аккуратный прокол диаметром менее полумиллиметра. Вокруг отверстия виднелся едва заметный белесый ореол кристаллического налета.

— Пневматический бесшумный инъектор высокого давления, — негромко произнес Кирилл. — Игла из растворимого полимера на основе сахарозы. Выстрел был сделан с внешней палубы сквозь резину в тот момент, когда Валдайцев сидел за рабочим столом спиной к иллюминатору. Давление в пятьдесят атмосфер вбило микрокаплю токсина прямо сквозь шерсть свитера в шею.

— Человек схватился за сердце, решил, что это спазм от духоты, вышел на морозную палубу за воздухом... — продолжила Агния, ее брови сдвинулись. — И рухнул на трапе через сорок секунд. Идеальная имитация внезапного инфаркта.

Она повернулась к рабочему столу.

В нише под книжными полками стоял тяжелый огнеупорный сейф шведской фирмы *Rosengrens* электронно-механическим кодовым замком.

Дверца сейфа была приоткрыта на пару сантиметров.

Агния аккуратно потянула ручку кончиками пальцев в перчатках. Внутри стояли пачки наличных денег, судовой журнал и пара наградных часов в футлярах.

Но верхняя полка, предназначенная для крупноформатных документов, была пуста.

— Сейф не взламывали механически, — Агния осмотрела хромированную панель замка с портативным ультрафиолетовым детектором. — Код ввели с первого раза. Ни царапин, ни следов термобура.

Она подняла глаза на контр-адмирала Дронова: — Кто имел доступ к мастер-кодам судовых сейфов командного состава?

— Только два человека, — адмирал помрачнел, его челюсти сжались. — Сам Валдайцев. И старший помощник капитана по безопасности связи — капитан третьего ранга Коршунов.

— Где Коршунов? — резко спросил Кирилл.

— На ходовом мостике, — ответил Дронов. — Руководит предподходовой проверкой навигационных комплексов.

Навигационный мостик ледокола «Арктика-Лидер» на девятом ярусе надстройки напоминал центр управления космическими полетами.

Огромное, вытянутое по дуге помещение шириной в сорок метров. Панорамные бронированные окна с подогревом выходили на ледяную гладь залива и освещенные пирсы базы. В полумраке мерцали десятки широкоформатных экранов: радиолокационные станции кругового обзора, пульта управления атомной энергетической установкой мощностью шестьдесят мегаватт, цифровые карты ГЛОНАСС и системы автоматического подруливания.

За центральным пультом стоял капитан третьего ранга Коршунов — подтянутый офицер тридцати пяти лет с аккуратными светлыми усиками и цепкими, бегающими глазами.

Увидев входящую группу во главе с Северским, офицер едва заметно напрягся, но выправка осталась безупречной: — Товарищ контр-адмирал! Проверка аппаратуры завершена. Навигационный комплекс готов к приему внешних целеуказаний.

Агния подошла к центральной консоли сервера спутникового позиционирования.

Она не стала задавать вопросов о пропавших картах.

Достав из кармана свой портативный криптографический терминал, она подключила экранированный кабель напрямую к сервисному диагностическому разъему оптической шины ледокола.

Коршунов дернулся, сделав шаг вперед: — Прошу прощения, гражданка! Это закрытый военный контур Росатома, подключение сторонних устройств категорически запрещено уставом!..

— Молчать, — раздался тихий, леденящий голос Кирилла.

Северский шагнул наперерез, встав между офицером и пультом. Его тяжелая фигура перекрыла Коршунову обзор. Рука Кирилла небрежно легла на рукоять пистолета под бушлатом, а в серых глазах застыло такое недвусмысленное обещание мгновенной расправы, что капитан третьего ранга побледнел и замер на месте, судорожно сглотнув слюну.

Пальцы Агнии летали по сенсорной панели терминала со скоростью пулеметного затвора.

Ее аналитический ум мгновенно вскрывал внутренние логи операционной системы: — Модификация системных библиотек произведена сегодня в 04:12 утра, — ее голос прозвучал чисто, разрезая гул охлаждающих вентиляторов. — В память навигационного комплекса была загружена скрытая цифровая закладка.

Она развернула экран к адмиралу Дронову: — Логическая бомба в алгоритме расчета динамической осадки судна.

Агния вывела трехмерную модель пролива Карские Ворота: — Через сто двадцать миль после выхода из Кольского залива, при входе в ледовые поля Карского моря, программа должна была скорректировать данные гидроакустического эхолота ровно на четыре с половиной метра в сторону завышения глубины.

В рубке воцарилась гробовая тишина.

Дронов медленно побелел: — Банка «Северная»... Каменная гряда с глубиной двенадцать метров. Ледокол с осадкой одиннадцать с половиной метров прошел бы со скрипом, но идущие следом газовозы с осадкой тринадцать метров...

— Врезались бы в гранитный риф на скорости шестнадцать узлов, — закончила Агния. — Все шесть супертанкеров. Вскрытие криогенных танков. Разлив десятков тысяч тонн сжиженного газа. Экологическая катастрофа, закрытие всего Севморпути на полгода и выплата неустоек, которая стерла бы фонд «Север Ассетс» с лица земли.

Она повернулась к Коршунову: — Закладка была загружена с IP-адреса спутникового терминала Инмарсат, зарегистрированного на научно-исследовательское судно «Polar Crown».

Флаг Норвегии. Порт приписки Тромсё. Бенефициарный владелец — оффшорная структура картеля «Пентаграмма».

Она сделала шаг к офицеру: — Сколько они заплатили вам за карты Валдайцева и эту закладку, капитан? Пятьсот тысяч евро на счет в Осло?

Коршунов дернулся к карману куртки, пытаясь выхватить оружие, но Кирилл оказался быстрее.

Удар Северского был коротким, страшным и точным: ребро ладони впечаталось офицеру в основание челюсти, ломая кость. Коршунов мешком рухнул на рифленый резиновый настил мостика, выронив пистолет ПМ.

Кирилл наступил ботинком на сломанную руку предателя, выдернул из его кармана связку ключей и сложенную вчетверо шифрограмму: — Охране забрать крысу. В изолятор военной контрразведки. Допрос с сывороткой правды через двадцать минут.

Двое морских пехотинцев подхватили обмякшее тело офицера под мышки и выволокли с мостика.

Дронов тяжело вытер лоб перчаткой, глядя на экран Агнии: — Вы спасли флот от гибели, Агния Андреевна. Но карт глубин Валдайцева здесь нет. Без них мы не пройдем Карские Ворота.

— Карты ушли на борт «*Polar Crown*», адмирал, — произнес Кирилл, глядя в черную тьму залива за стеклом. — Значит, мы заберем их обратно.

В четыре часа дня морозный туман над Мурманском сменился штормовым шквалом.

Закрытая гостевая резиденция командующего Северным флотом стояла на вершине гранитной сопки Абрам-Мыс на западном берегу Кольского залива.

Массивный одноэтажный дом из темного мореного бруса и дикого камня был надежно укрыт от полярных ветров кольцом вековых заснеженных елей. За трехметровым бронированным панорамным окном гостиной чернела бескрайняя гладь залива, на которой мерцали огни ледоколов и танкеров, а высоко в темном небе над горизонтом призрачными зелеными и изумрудными всполохами колыхалось полярное сияние.

Внутри резиденции царило глубокое, спасительное тепло.

В массивной чугунной каминной печи с треском гудели сухие березовые поленья, наполняя комнату ароматом хвои, смолы и заваренного брусничного чая.

Агния сидела в глубоком кожаном кресле перед пылающим огнем.

Она сменила верхнюю мембранную одежду на мягкий темно-серый кашемировый свитер и теплые шерстяные брюки. Ее босые ступни утопали в густом ворсе ковра из оленьей шкуры. В тонких пальцах она держала тяжелую фарфоровую кружку с горячим чаем, глядя на пляшущие языки пламени.

Откат после напряжения последних часов на мостике ледокола накатил тяжелой, ослабляющей волной.

Кирилл подошел неслышно.

Он снял бушлат, оставшись в просторном черном свитере. В его руках была аптечка.

Опустившись на колени рядом с ее креслом, он поставил на пол чашу с теплой водой. Его пальцы — сильные, теплые — осторожно оттянули ворот ее свитера, обнажая левую ключицу.

Он бережно снял защитный пластырь. Рана от пули, полученная в порту Усть-Луги, затянулась тонким розовым рубцом — полярный холод не дал развиваться воспалению.

Кирилл нанес тонкий слой заживляющего крема, подушечками пальцев втирая мазь в ее нежную кожу. Прикосновение его загрубевших рук было наполнено той самой безмолвной, тяжелой нежностью, которая выжигала любую боль.

— Почти зажило, волчица, — негромко произнес он, не отрывая взгляда от ее плеча.

Агния опустила ладонь на его щеку, заставив поднять голову.

В полумраке комнаты, освещенной оранжевым светом камина, его серые глаза казались глубокими и теплыми.

— Они не остановятся, Кирилл, — прошептала она, глядя прямо в его зрачки. — «Пентаграмма» — это не Барышев. Это наднациональный картель. Они считают Арктику своей будущей колонией.

Кирилл медленно поднялся, оперся ладонями о подлокотники ее кресла, нависая над ней всей мощью своего тела.

Его дыхание коснулось ее губ — горячее, терпкое, с ароматом табака и морозного воздуха: — Пусть считают, Агния. Но этот ледокол пойдет по Севморпути. И вести его будем мы с тобой.

Он наклонился и поцеловал ее — глубоко, жадно, медленно, с той сокрушительной силой обладания, которая стирала страх перед полярной ночью и ледяной бездной за окнами.

Агния обхватила его шею руками, притягивая к себе, отвечая на поцелуй с той же дикой, безудержной страстью.

В этом теплом доме на краю ледяной империи они были непобедимы.

В семнадцать ноль-ноль тишину резиденции разорвал резкий, вибрирующий сигнал закрытого гидроакустического терминала правительственной связи.

Звук шел со специального радиомодема Северного флота, установленного на рабочем столе в углу комнаты.

Кирилл нехотя оторвался от ее губ, поднялся и подошел к терминалу.

Нажав клавишу приема, он включил громкую связь.

Над столом развернулась трехмерная карта горла Кольского залива с наложенной сеткой гидроакустических шумов.

В динамике раздался прерывистый, взволнованный голос начальника штаба подводных сил Северного флота контр-адмирала Воронцова: — «Коршун», на связи Североморск. Срочный боевой доклад гидроакустического поста острова Сальный.

Кирилл нахмурился: — Докладывайте, адмирал.

— Тридцать минут назад стационарные донные гидрофоны системы «Гармония» зафиксировали посторонний шум винтов под ледовыми полями в горле Кольского залива, — отчетливо ответил офицер. — Сигнатура шума не принадлежит отечественным подводным лодкам. Это сверхмалая диверсионная субмарина иностранной постройки типа *Cosmos* или *Pluto*, водоизмещением менее ста тонн.

Воронцов вывел на карту красную пульсирующую отметку: — Объект вошел в залив на глубине сорока метров под прикрытием шумов винтов гражданских траулеров. Пять минут назад субмарина легла на грунт в трех милях от причалов базы «Атомфлот». Ровно под якорной стоянкой ледокола «Арктика-Лидер».

Агния подошла к столу, ее пальцы легли на панель: — Радиообмен зафиксирован?

— Так точно, Агния Андреевна, — подтвердил адмирал. — С борта подводного объекта ушел узконаправленный спутниковый пакет данных в миллиметровом диапазоне. Спутник-ретранслятор зарегистрирован на норвежскую исследовательскую миссию в районе архипелага Шпицберген.

Офицер вывел расшифровку перехваченного радиосигнала: *«СЕКТОР АРКТИКА-1. Объект “Валдайцев” ликвидирован. Навигационные карты шельфа приняты на борт “Polar Crown”. Подводные диверсанты вышли к цели. Начинаем установку магнитных кумулятивных зарядов на кингстоны охлаждения атомного реактора ледокола “Арктика-Лидер”. Время подрыва: двадцать один ноль-ноль. Код операции: ПЕНТАГРАММА»*.

Связь оборвалась коротким гудком.

На настенных часах резиденции стрелки показывали ровно **17:05**.

До подрыва атомного реактора флагманского ледокола оставалось менее четырех часов.

Кирилл медленно поднял глаза на Агнию.

В его серых зрачках зажглось то самое первобытное, не знающее пощады пламя, которое не оставляло в живых ни одного врага.

Он протянул руку к оружейному кейсу, извлек пистолет «Удав» и загнал патрон в патронник с сухим, беспощадным щелчком:

— Они уже под водой, волчица. Пора спускаться в лед.

Глава 2. Кингстоны во тьме: Подводный рубеж

Сухой треск березовых поленьев в каминной печи на сопке Абрам-Мыс казался насмешкой над ледяным адом, разверзшимся в трех милях под обрывом.

На настенных часах резиденции секундная стрелка мерно отщелкивала время: **17:15**.

До расчетного часа подрыва оставалось три часа сорок пять минут.

Агния стояла перед трехмерным экраном морского тактического планшета, ее пальцы нажимали клавиши масштабирования батиметрической карты. Графика высвечивала сечение корпуса ледокола «Арктика-Лидер»: Две реакторные установки интегрального типа РИТМ-200 тепловой мощностью по сто семьдесят пять мегаватт каждая. Сердце атомного исполина. Кингстоны забортного водозабора — массивные решетчатые шахты по обоим бортам ниже ватерлинии на глубине девяти метров, через которые циркуляционные насосы непрерывно прокачивали ледяную забортную воду для охлаждения третьего контура парогенераторов.

Если кумулятивные фугасы диверсантов вспорют решетки и оторвут запорные клапаны, забортная вода хлынет в герметичные выгородки, замкнув электропитание аварийных насосов. Произойдет мгновенный тепловой срыв. Осушение активных зон обоих реакторов приведет к тепловому взрыву уранового топлива за четыре минуты.

Мурманск, база атомного флота и побережье Кольского залива в радиусе сорока километров превратятся в безжизненную полярную Чернобыльскую зону.

Кирилл застегивал пуговицы тяжелого шерстяного свитера, бросив короткий взгляд на карту. На его скулах ходили желваки, серые глаза сузились в две стальные полосы: — Связь с водолазным отрядом Североморска установлена?

Из динамика радиостанции прозвучал хриплый голос контр-адмирала Дронова: — Дежурная группа отряда ПДСС — по борьбе с подводными диверсантами — поднята по тревоге «Каскад». Катер спецназначения «Грачонок» с водолазным комплексом вышел из Росляково. Но у них нет людей, имеющих допуск к работам на кингстонах работающих атомных реакторов. Инструкция Росатома предписывает заглушить активные зоны перед спуском водолазов.

— На сброс стержней аварийной защиты и охлаждение уйдет восемь часов! — отрезала Агния, повернувшись к микрофону. — Через три с половиной часа заряды сдетонируют! Глушить реакторы нельзя!

— Значит, мы пойдем под воду на работающих установках, — произнес Кирилл.

Голос прозвучал спокойно, сухо, без пафоса — как приказ на смену огневой позиции.

Агния замерла.

Она медленно подняла глаза на мужа. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь завыванием полярного шторма за бронестеклом.

Она знала его послушной список. Знала, что до основания фонда «Север Ассетс» капитан Северский командовал закрытой водолазной разведгруппой специального назначения ГРУ на Балтике и в сирийском Тартусе. Он знал минно-подрывное дело под водой лучше любого флотского инструктора.

Но температура воды в Кольском заливе сейчас составляла минус полтора градуса. Смертельная ледяная взвесь, в которой человек без специального термокомбинезона погибал от переохлаждения за четыре минуты.

Агния шагнула к нему. Ее пальцы впились в ткань его свитера на груди, сжимая шерсть до побелевших суставов: — Кирилл...

Она не стала умолять. Не стала говорить банальные слова о безумии. Она была Соколовской — женщиной, которая сама стояла под прицелами автоматов и взламывала шифры под угрозой расстрела.

Но в ее темных ореховых глазах на долю секунды обнажилась та самая бездонная, разрывающая женская боль, которую она прятала от всего мира: — Под днищем ледокола работают главные циркуляционные насосы. Тяга забортной воды в решетки кингстонов — сорок тонн в минуту. Тебя может затянуть в приемный коллектор и расплющить о решетку давлением.

Кирилл накрыл ее ладони своими широкими, горячими руками.

Его пальцы медленно, бережно разжали ее кулаки, переплетаясь с ее пальцами. Он притянул ее к себе, прижал ее хрупкое тело к своей груди, обдавая жаром дыхания с ароматом крепкого чая и морозного табака: — Я знаю гидродинамику этого корпуса, Агния. Я рассчитывал эти решетки на верфи, когда был курсантом.

Он наклонился, прижавшись губами к ее виску, зарываясь лицом в пряди ее темных волос: — Ты остаешься на ходовом мостике атомохода. Садись за гидроакустическую станцию кругового обзора. Ты будешь моими глазами под этим льдом. Твой голос в наушнике маски — моя единственная страховка.

Агния подняла лицо, ее губы коснулись затянувшегося шрама на его скуле: — Возвращайся ко мне живым, Северский. Если ты останешься на дне этого залива... я сожгу эту Арктику дотла, но найду тех, кто послал эту лодку.

Кирилл глухо усмехнулся, впился в ее губы коротким, обжигающим поцелуем, запечатывая их нерушимый пакт, и отстранился: — В машину. Время пошло.

В половине седьмого вечера закрытый дебаркадер отряда ПДСС в северной губе Североморска напоминал операционную палату военного госпиталя, скрещенную с оружейным арсеналом.

В воздухе стоял концентрированный запах вулканизированного неопрена, медицинского талька, чистого сжатого кислорода и оружейной смазки для глубоководных автоматов.

Кирилл стоял в центре раздевалки водолазного отсека.

Двое матросов-инструкторов в камуфляже помогали ему облачаться в арктический глубоководный гидрокомбинезон сухого типа «Витязь-Полярный» из трехслойной прорезиненной кордуры угольно-черного цвета. Под костюм надевалось специальное тепловое термобелье с интегрированными карбоновыми нитями электроподогрева, питавшимися от герметичных литий-железо-фосфатных аккумуляторов на поясе.

На ноги натягивались тяжелые титановые боты с магнитными подошвами для фиксации на стальной обшивке судна, на руки — трехпалые термоперчатки из прессованного неопрена с подогревом каждого пальца.

Старший инструктор закрепил на спине Кирилла раму замкнутого дыхательного аппарата — армейского ребризера «Амфора-Полюс».

Никаких пузырей на поверхности, способных выдать пловца гидроакустическим датчикам противника: газовая смесь гелия и кислорода циркулировала по замкнутому контуру через химический поглотитель углекислого газа.

На грудную разгрузку легло вооружение глубоководного бойца: Специальный четырехствольный подводный пистолет СПП-1М с патронами, снаряженными длинными стальными иглами калибра 4,5 миллиметра, и титановый немагнитный саперный нож в пластиковых ножнах на бедре. В отдельный подсумок лег комплект немагнитных инструментов: ультразвуковой скальпель для резки кабелей, гидравлические кусачки и пара портативных криогенных спреев для мгновенной заморозки часовых механизмов взрывателей.

Финальным элементом стала полнолицевая маска со сферическим поликарбонатным иллюминатором, встроенным подствольным диодным фонарем и ультразвуковой гарнитурой

подводной связи «Бриз», передававшей голос напрямую через костную проводимость височной кости.

Рядом с Кириллом стояли четверо штатных боевых пловцов Северного флота — элита арктического спецназа, прошедшая полигоны Новой Земли.

— Проверка связи, — прозвучал голос командира группы в наушнике.

Кирилл проверил клапан подачи дыхательной смеси: — «Коршун» на приеме. Ребризер в норме, подогрев контуров сто процентов.

— Выход через технологическую майну у второго пирса базы «Атомфлот», — Дронов лично застегнул герметичный замок на шлеме Кирилла. — До детонации зарядов один час тридцать минут. С Богом, мужики.

Навигационная рубка атомохода «Арктика-Лидер» на девятом ярусе надстройки погрузилась в полумрак боевой готовности.

Все внешнее палубное освещение ледокола было погашено по распоряжению штаба флота, чтобы не демаскировать акваторию. За гигантскими лобовыми окнами простиралась непроницаемая черная пустота полярной ночи, в которой лишь по едва заметным контурам угадывались ледовые поля залива.

Агния сидела в кресле оператора гидроакустического комплекса «Феникс-М» в штурманском отсеке.

Она накинула на плечи служебную теплую куртку ледового штурмана поверх свитера. Ее темные волосы были убраны под оголовье массивных наушников с системой активного шумоподавления. Перед ее глазами светился круглый изумрудный экран пассивного кругового сонара, сканировавшего водную толщу на глубинах до ста метров.

Рядом стоял флагманский акустик флота капитан второго ранга Васильев.

— Дистанция до якорной стоянки — три кабельтовых, — негромко докладывал офицер. — На грунте, на глубине сорока одного метра, четко фиксируется эхо-сигнал диверсионной субмарины. Лежит неподвижно в донной впадине у мыса Великий.

Акустик указал карандашом на две тонкие, едва различимые светящиеся точки, медленно ползущие по экрану в сторону силуэта ледокола: — А вот и гости. Скорость полтора узла. Идут на подводных буксировщиках типа «Манта» с электродвигателями на глубине двенадцати метров. Через шесть минут они выйдут к форштевню ледокола для контрольной проверки взрывателей.

Агния нажала клавишу переговорного устройства подводной связи: — «Коршун», я «Аврора». Слышишь меня?

В наушниках сквозь шипение гидроакустического тракта прозвучал спокойный, чуть глуховатый голос Кирилла, искаженный мембраной дыхательного аппарата: — Слышу тебя чисто, Агния. Мы вошли в майну. Погружаемся вдоль форштевня правого борта.

Агния впилась взглядом в экран сонара, чувствуя, как сердце сжимается в ледяной комок: — Кирилл, цели на двух часах от твоего положения. Глубина двенадцать метров. Дистанция — сто восемьдесят метров. Они идут прямо на решетки охлаждения правого борта.

— Принял, «Аврора». Идем на перехват.

Погружение в арктическую воду напоминало шаг в открытый космос, лишенный гравитации и звезд.

Вода Кольского залива с температурой минус 1,6 градуса обладала чудовищной плотностью. Холод пробивал внешний слой неопрена мгновенно, но кабельный обогрев термобелья тут же отозвался ровным, спасительным теплом вдоль позвоночника и бедер.

Видимость под водой была почти нулевой. Черная, маслянистая толща была забита взвесью мелких кристалликов льда — шугой, кружившейся в свете подствольного фонаря, словно мутная пыль.

Кирилл скользил вниз вдоль колоссальной стальной стены правого борта ледокола.

Огромный гладкий корпус, покрытый специальным полимерным противообрастающим лаком темно-синего цвета, уходил вниз на одиннадцать с половиной метров осадки. Мощные гребные винты судна стояли на стопоре, но вспомогательные насосы первичного контура работали — от стальной обшивки исходила низкая, утробная вибрация работающих на холостом ходу ядерных реакторов, отзывавшаяся дрожью в зубах.

На глубине девяти метров стальной борт переходил в плавный изгиб скулы днища.

Здесь располагалась решетка правого кингстона — массивное окно размером три на четыре метра, забранное толстыми титановыми жалюзи, сквозь которые с глухим сосущим гулом втягивались тонны заборной воды.

Кирилл включил электромагнитные подошвы бот.

С глухим металлическим щелчком его ноги зафиксировались на стальной обшивке днища в двух метрах от решетки.

Луч фонаря скользнул по титановым пластинам жалюзи.

Сердце пропустило удар.

На центральной силовой балке решетки, прямо в зоне максимального забора воды, уже были установлены два цилиндрических магнитных фугаса шведской морской разработки *M-88 Sabotage*.

Каждый заряд содержал по пятнадцать килограммов октогена в полимерном корпусе. К корпусам фугасов шли тонкие оптоволоконные кабели, соединявшие их с центральным электронным модулем, на котором мерно пульсировал зеленый светодиод часового взрывателя.

— Заряды на месте, — передал Кирилл по ультразвуковому каналу. — Маркировка М-88. Спарка. Взрыватели активны.

В наушнике шлема мгновенно раздался голос Агнии: — Кирилл, внимание! Диверсанты на дистанции сорока метров! Они выходят из-под киля!

Северский резко вскинул голову, выключая налобный фонарь.

Пространство погрузилось в абсолютную, черную бездну.

Через секунду из темноты левее киля вынырнули два призрачных силуэта.

Боевые пловцы ЧВК «Пентаграмма» двигались на бесшумных электрических буксировщиках «Манта», удерживая их за рулевые рукояти. На их натовских гидрокостюмах не было опознавательных знаков, лица скрывали глухие черные маски с инфракрасными визорами. Они шли на высоте полутора метров от обшивки, направляясь к кингстону для финальной проверки взрывателей перед отходом.

Дистанция — десять метров.

Кирилл не стал ждать, пока противник включит активные гидролокаторы.

Оторвав магнитные боты от обшивки, он оттолкнулся от борта ледокола, уходя на перехват ведущего пловца сверху.

В правой руке Северского был четырехствольный пистолет СПП-1М.

ЩЕЛК.

Спусковой крючок нажат. Выстрел под водой не имел грохота — лишь резкий гидравлический щелчок расширившихся пороховых газов внутри патронника.

Тяжелая пятнадцатисантиметровая стальная игла калибра 4,5 миллиметра со свистом рассекала воду, создавая за собой тонкий шлейф кавитационных пузырей, и на скорости сто метров в секунду пробила поликарбонатный визор маски ведущего диверсанта.

Стекло лопнуло. Стальной стержень вошел в переносицу наемника навывлет.

Из разорванной маски вырвалось облако черной крови, пловец судорожно выгнулся дугой и выпустил ручки буксировщика, закрутившись в потоке воды.

Второй диверсант среагировал молниеносно: бросив свой буксировщик, он выхватил из набедренных ножен длинный боевой стилет и на встречном курсе ударил ластами, метя острием в дыхательный шланг ребризера Кирилла.

В темноте ледяной воды завязалась яростная, немая рукопашная схватка.

Вода глушила движения, превращая каждое усилие в преодоление вязкой, свинцовой массы. Диверсант врезался в Кирилла на полной скорости, сбив его с обшивки. Клинок наемника скользнул по кевларовому наплечнику гидрокомбинезона, с визгом распоров верхний слой кордуры, но не пробив термозащиту.

Кирилл перехватил вооруженную руку противника левой перчаткой в замок, выкручивая запястье.

Правая рука Северского выдернула титановый немагнитный нож из ножен.

Одним коротким, страшным ударом снизу вверх Кирилл вогнал лезвие ножа ровно в место соединения дыхательного шланга с легочным автоматом наемника, перерезав армированную резину.

ХЛЮП.

В разорванный шланг ребризера под давлением в две атмосферы хлынула ледяная соленая вода залива.

Диверсант захлебнулся на первом же вдохе. Его глаза за стеклом маски полезли на лоб, тело забилося в судорогах гипоксического утопления, пальцы разжались.

Кирилл оттолкнул мертвое тело наемника ногой. Труп диверсанта медленно пошел ко дну, растворяясь в сорокаметровой бездне Кольского залива.

— Кирилл! Кирилл, ответь! — голос Агнии в наушнике сорвался на прерывистый, сдавленный шепот. На экране сонара на мостике отметки целей слились в одну хаотичную точку.

Северский включил налобный фонарь, восстанавливая дыхание через мундштук: — «Аврора», цели нейтрализованы. Я на решетке правого кингстона.

На мостике Агния бессильно оперлась ладонями о край консоли, переводя дыхание. Ее пальцы дрожали, но голос снова обрел ту самую стальную, ледяную четкость: — Кирилл, таймер взрывателей активен. До детонации осталось ровно четыре минуты сорок секунд.

Она открыла на экране планшета технический бюллетень шведских мин М-88: — Внимание на электронный блок между зарядами. Взрыватель оснащен фотоэлементом и датчиком изменения давления. Если ты попытаешься оторвать магнитную подошву от стали — произойдет мгновенное замыкание цепи самоликвидатора.

Кирилл опустил на колени на обшивку днища, зафиксировав магнитные боты у решетки кингстона.

Луч фонаря выхватил черную пластиковую коробку блока управления. На крошечном дисплее бежали красные цифры: **03:48... 03:47... 03:46...**

— Вижу блок, — передал Кирилл. Пальцы в толстых неопреновых перчатках извлекли из подсумка баллон с криогенным хладагентом и ультразвуковой скальпель. — Здесь четыре оптоволоконных шлейфа. Два синих, красный и белый.

— Слушай меня очень внимательно, — голос Агнии звучал чисто, словно она стояла за его спиной в этой ледяной воде. — Шведская схема защиты от разминирования построена на логике триггера Шмитта. Белый шлейф — это ловушка, в нем идет постоянный световой импульс. Если перерезать его первым — детонатор сработает за миллисекунду.

— Что резать? — Кирилл поднес лезвие скальпеля к пучку проводов. Его дыхание было абсолютно ровным. Пульс — шестьдесят ударов в минуту.

— Сначала нанеси криоспрей на фотоэлемент по центру блока! — диктовала Агния, сверяясь со схемой. — Температура состава минус шестьдесят градусов. Это заморозит фототранзистор на двадцать секунд!

Кирилл направил тонкое сопло баллончика на линзу датчика, нажав клапан.

Струя криогена с шипением ударила в пластик, мгновенно покрыв блок толстой белой коркой инея прямо под водой.

— Датчик заморожен! Дальше!

— Режь синий провод с маркировкой «А»! Не «В», только «А»! Он отвечает за питание емкостного конденсатора!

Кирилл наложил вибрирующее ультразвуковое лезвие на тонкую синюю жилу.

ВЖИК.

Оптоволокно распалось. Красные цифры на дисплее взрывателя моргнули.

01:12... 01:11...

— Теперь красный! — крикнула Агния в микрофон. — Режь красный контур массы! Быстро, Кирилл, фотоэлемент оттаивает!

Лезвие скальпеля перерубило красный провод.

Таймер на электронном блоке погас. Зеленый светодиод мигнул в последний раз и затих навсегда.

Заряды были деактивированы.

Кирилл перевел дыхание.

Достав из подсумка титановый рычаг, он аккуратно поддел мощные неодимовые магниты фугасов, отрывая тридцатикилограммовые цилиндры октогена от титановой решетки кинг-стона.

Двое подоспевших пловцов группы прикрытия подхватили заряды, укладывая их в герметичный кевларовый баллистический контейнер для утилизации.

Кингстоны атомного реактора ледокола были чисты.

— «Аврора», я «Коршун», — передал Кирилл, поднимая голову к ледяной поверхности залива. — Заряды сняты. Угроза ликвидирована. Выходим на поверхность.

На ходовом мостике Агния сорвала наушники с головы.

Офицеры штаба флота во главе с контр-адмиралом Дроновым замерли, а затем штурманская рубка взорвалась синхронным, выстраданным выдохом облегчения.

Агния прижала пальцы к вискам, закрыв глаза. Ее плечи мелко дрожали, но на губах играла та самая спокойная, непобедимая улыбка хозяйки империи.

В половине десятого вечера тяжелая вода у острова Сальный в горле Кольского залива вскипела серой пеной.

Четыре противодиверсионных катера «Грачонок» Северного флота, получив точные координаты от гидроакустиков, сбросили по периметру залегания вражеской субмарины серию предупредительных реактивных глубинных бомб РГБ-12.

Гидравлические удары силой в сотни атмосфер сотрясли корпус подводного челнока диверсантов, сорвав рулевые приводы.

Потеряв минеров и получив повреждения балластных цистерн, сверхмалая субмарина картеля продула воздух и со стоном вывалилась на поверхность залива среди ледяных полей.

Морская пехота Северного флота взяла субмарину на abordаж за две минуты.

Экипаж — двое наемников с норвежскими паспортами — были выволочены на лед под дулами автоматов.

В прочном корпусе лодки офицеры контрразведки изъяли главный трофей ночи: защищенный бортовой журнал навигации, аппаратуру спутниковой связи картеля «Пентаграмма» и те самые три похищенных планшета капитана Валдайцева с оригинальными промерами глубин Карского моря, которые предатель Коршунов успел передать диверсантам перед арестом.

В двадцать два ноль-ноль на навигационном мостике атомохода «Арктика-Лидер» горел полный рабочий свет.

Двери шахты лифта распахнулись.

В рубку вошел Кирилл.

Он уже сбросил водолазное снаряжение, надев сухой черный свитер и армейские брюки. Его короткие темные волосы были влажными от соленой воды, на скулах атели следы мороза

и переохладения, но в серых глазах горело то самое яростное, победоносное пламя, которое не знало поражений.

Агния стояла у штурманского стола, где уже лежали возвращенные карты Валдайцева.

Увидев мужа, она не стала соблюдать протокол перед офицерами флота.

Сделав три быстрых шага навстречу, она обвила руками его шею, уткнувшись лицом в его холодную, пахнущую морем и порохом щеку.

Кирилл сгреб ее в охапку, оторвав от пола, прижимая к своей груди с сокрушительной, не знающей границ силой. Он шумно, жадно вдохнул запах ее волос, чувствуя, как тепло ее тела возвращает жизнь в его замерзшие мышцы.

— Ты вела меня сквозь эту воду, Агния, — прошептал он ей в самое ухо.

Она подняла лицо, ее пальцы очертили линию его челюсти, губы коснулись его холодных губ в коротком, обжигающем поцелуе: — Мы вырвали этот реактор из их рук, Кирилл.

Она повернулась к капитану ледокола — седовласому полярному волку капитану первого ранга Мельникову: — Товарищ капитан. Карты глубин на столе. Навигационные комплексы очищены от закладок. Назовите статус готовности.

Капитан вытянулся в струнку, приложив руку к козырьку фуражки: — Оба реактора РИТМ-200 выведены на сто процентов номинальной мощности! Пар подан на главные турбогенераторы! Шесть танкеров каравана заняли места в кильватерном строю на внешнем рейде! Судно готово к съемке с якоря!

Агния посмотрела на Кирилла.

Северский коротко, властно кивнул.

— Поднять якоря, — отчеканила Агния, и ее голос разнесся по трансляции всего ледокола. — Дать ход вперед. Мы идем в Карское море.

ТУ-У-У-У-У-У-У!

Циклопический, оглушительный тифофон атомного ледокола «Арктика-Лидер» разорвал тишину полярной ночи тремя раскатистыми басовыми ударами, отозвавшимися эхом в гранитных сопках Мурманска и Североморска.

Многотысячетонный стальной гигант вздрогнул.

Три колоссальных гребных винта диаметром в шесть метров начали взбивать черную воду Кольского залива в пену.

Острый клиновидный форштевень ледокола с сухим, пушечным треском врубился в первые полуметровые ледовые поля фарватера, взламывая панцирь залива, увлекая за собой кильватерную колонну из шести колоссальных супертанкеров фонда «Север Ассетс».

Впереди лежало Баренцево море.

Впереди лежали Карские Ворота, где во льдах их ждал главный удар картеля «Пентаграмма».

Глава 3. Карские Ворота: Ледовая засада

Баренцево море на исходе полярной ночи не знало жалости.

Шторм яростью в девять баллов раскачивал многотысячетонную машину атомохода «Арктика-Лидер», словно пустую скорлупу. За бронированными стеклами ходовой рубки девятого яруса стоял сплошной, непроницаемый рев: ураганный норд-ост скоростью тридцать два метра в секунду срывал с гребней черных волн пенные шапки и швырял их в надстройку. При температуре минус тридцать один градус забортная вода превращалась в лед прямо в воздухе.

Флагманский атомный ледокол проекта 22220 шел во главе конвоя, увлекая за собой кильватерную колонну из шести колоссальных супертанкеров фонда «Север Ассетс».

Каждый трехсотметровый газовоз водоизмещением в сто сорок тысяч тонн нес в криогенных трюмах сжиженный метан, предназначенный для портов Восточной Азии. Дистанция между гигантами выдерживалась с точностью швейцарского хронометра — ровно пять кабельтовых, около девятисот метров. Чуть ближе — и при экстренном торможении ледокола многотысячетонная инерция танкера сомнела бы корму впереди идущего судна; чуть дальше — и кильватерный канал мгновенно затягивало бы сплошным блинчатым льдом.

На баке и технологических галереях ледокола непрерывно работали аварийные партии матросов в тяжелых термोकостюмах и страховочных поясах. Пневматическими отбойными молотками и деревянными колотушками они сбивали ледяную корку с леерных ограждений и антенных постов: обледенение грозило судну потерей остойчивости.

Агния стояла у центрального навигационного стола рубки, упершись ладонями в полированный поручень.

На ней был полярный штормовой комбинезон из черной матовой мембраны, плотно прилежавший к телу, поверх которого сидел облегченный кевларовый жилет скрытого ношения. Ее волосы были заплетены в тугую косу, убранную под воротник. Лицо казалось бледным в зеленоватом свете приборов, но взгляд ореховых глаз оставался цепким и спокойным.

Каждые три минуты она сверяла математическую модель сближения судов на своем терминале: — Танкер номер четыре, «Полярная Звезда», — не оборачиваясь, произнесла она в микрофон громкой связи. — У вас отставание на сорок метров. Добавить два оборота на средний вал. Не растягивать дистанцию.

— Есть добавить два оборота, — отозвался капитан танкера сквозь треск помех.

Рядом с ней стоял капитан ледокола Мельников. Седовласый офицер не отрывал глаз от сканирующего ледового локатора: — Подходим к траверзу острова Колгуев. Через полтора часа шторм кончится.

Он тяжело взглянул на Агнию: — Но начнется то, перед чем этот шторм покажется курортом. Карские Ворота.

В половине десятого утра открытая вода Баренцева моря внезапно кончилась.

Штормовая качка прекратилась так резко, будто корабль сошел с бушующих волн на твердый монолитный гранит. Океан замер, скованный панцирем вечного полярного пака.

Караван вошел в узкое тридцатимильное горло пролива Карские Ворота — зажатый между северной оконечностью острова Вайгач и скалистым берегом Новой Земли ледяной капкан.

Здесь природа правила безраздельно. Ветровое сжатие с востока нагнало в пролив многолетние арктические ледовые поля толщиной от двух с половиной до трех с половиной метров. Впереди, в свете циклопических судовых прожекторов, вырастали исполинские торосы — нагромождения замерзших бирюзовых глыб высотой с двухэтажный дом, вставшие на дыбы под чудовищным давлением дрейфа.

ГРОХОТ.

Форштевень «Арктики-Лидер» врубился в первое паковое поле на скорости двенадцать узлов.

Звук был подобен залпу батареи тяжелых гаубиц. Стальной клиновидный корпус ледокола, спроектированный с переменной кривизной скулы, взмыл на ледяной щит, сминая торос всей своей двадцатитысячетонной массой, и обрушился вниз, раскалывая монолит пополам. Многометровые трещины со свистом и гулом разбегались во все стороны, в черную полынь с плеском обрушивались тонны битого льда.

Оба ядерных реактора РИТМ-200 работали на пиковой мощности: теплообменники гудели, пар под давлением в шестьдесят атмосфер вращал турбогенераторы, передавая на три гребных вала суммарную мощность в восемьдесят тысяч лошадиных сил.

Корпус непрерывно содрогался мелкой, зубодробительной вибрацией.

Кирилл стоял на правом крыле мостика, не сводя взгляда с оптического визира ночного видения. На нем был армейский полярный бушлат с поднятым овчинным воротником. За спиной висел компактный бесшумный автомат СР-ЗМ «Вихрь».

Он опустил окуляр, подошел к штурманскому столу и развернул перед Агнией бумажный гидрографический планшет погибшего лоцмана Валдайцева: — Смотри сюда, Агния. Мы входим в горловину у мыса Болванский Нос.

Его палец очертил узкую извилистую полосу между двумя подводными банками: — Ширина безопасного фарватера здесь — всего шестьсот метров. Слева — припай Новой Земли, справа — скалы Вайгача. Если караван сбросит ход хоть на три узла, сжатие льдов заклинит танкеры в канале за двадцать минут. Мы превратимся в неподвижную мишень.

— «Пентаграмма» знает эти промеры, — тихо ответила Агния, вглядываясь в пометки Валдайцева. — Они не станут ждать, пока мы выйдем на оперативный простор Карского моря. Их удар будет здесь.

Кирилл посмотрел на судовые часы: — До узкости сорок минут. Идем вниз, Агния. Тебе нужно переодеться к бою.

В каюте судовладельцев на седьмой палубе стояла густая, насыщенная теплом тишина, контрастировавшая с адовым грохотом ломающегося льда за обшивкой.

В камине жарко горел электрический имитатор пламени, на столе стоял свежий термос с крепким таежным сбором. Но на диване лежало то, что не имело отношения к покою: две штурмовые разгрузки, кевларовые каски с низкопрофильными наушниками, запасные магазины к автоматам и тактические аптечки с жгутами-турникетами.

Агния расстегнула мембранную куртку, оставшись в плотном шерстяном лонгсливе.

Движения ее рук были точными, лишёнными суеты. Она проверила защелки скрытого бронежилета, подогнала набедренную кобуру с пистолетом «Удав», затянув эластичные ремни вокруг бедра.

Корпус судна снова содрогнулся от сокрушительного удара о торос — мебель в каюте жалобно скрипнула.

Кирилл подошел сзади.

Его тяжелые, сильные ладони легли на ее талию, медленно скользнули вверх по ребрам, притягивая ее спиной к своей широкой груди. Он наклонился, упершись подбородком в изгиб ее шеи.

Запах его кожи — морозный порошок, терпкий табак и сухое тепло — мгновенно заполнил ее пространство, смывая холод полярного пака.

Агния затаила дыхание, откинув голову на его плечо. Ее пальцы накрыли его ладони, ощущая твердые костяшки и старые шрамы.

— Вайгач — мертвая зона, Агния, — его голос звучал глухо, с той самой опасной хрипотой, которая обнажала всю его внутреннюю незащищенность перед ней. — В радиусе двухсот

милей нет ни одного гарнизона. Авиация Северного флота не сможет пробиться сквозь снежный заряд над Баренцевым. Если картель начнет бой в проливе... мы останемся один на один с их наемниками.

Агния медленно повернулась в кольцо его рук.

Ее лицо оказалось в нескольких сантиметрах от его лица. В полумраке каюты ее ореховые глаза сияли темным, непоколебимым огнем. Она подняла руку, ее пальцы осторожно коснулись заживающего рубца на его скуле, скользнули к затылку, зарываясь в темные волосы: — Они думают, что этот лед станет нашей могилой, Кирилл. Но они забыли, кто ведет этот корабль.

Она прижалась губами к его губам — коротко, жадно, со вкусом соли и абсолютной решимости: — Мы прошли огонь в Москве. Мы пройдем и этот лед.

Кирилл глухо застонал, его руки сомкнулись вокруг ее спины железным кольцом, прижимая ее к себе с такой силой, словно хотел врасти в нее на пороге битвы.

Его поцелуй был властным, сокрушительным, выжигающим остатки сомнений.

В эту секунду на переборке каюты замигал красный плафон боевой тревоги.

Резкий зуммер разорвал тишину: *«Боевой пост один! Всем занять места по расписанию отражения нападения!»*

Они оторвались друг от друга за долю секунды.

Маски сброшены. Время нежности кончилось.

Кирилл перехватил автомат, Агния набросила капюшон штормовой куртки.

Они вылетели из каюты единым слаженным броском.

На ходовом мостике царил холодный, расчетливый хаос.

— Радиопомехи высокой плотности! — кричал вахтенный офицер связи, срывая наушники. — Все спутниковые каналы ГЛОНАСС и Инмарсат забиты шумовым заграждением! Мы потеряли дифференциальную поправку координат!

Агния подскочила к центральной консоли.

Экраны спутникового позиционирования заливало сплошной рябью белого шума.

Она переключила диагностику на анализатор спектра: — Постановщик помех работает на частоте один и два гигагерца. Источник направленный, азимут восемьдесят пять градусов. Мыс Болванский Нос на острове Вайгач.

Она взглянула на экран радиолокационной станции кругового обзора: — Они заглушили нас со старой советской полярной метеостанции на скалах. И сделали это не случайно.

Капитан Мельников указал дрожащей рукой на экран ледового радара перед форштевнем: — Смотрите по курсу! В полтора милях впереди!

Прямо по линии движения ледокола, на ледовом припае в самом узком месте фарватера, цепочкой пульсировали двенадцать неподвижных контрастных меток.

Минное заграждение.

На торосах прямо на пути конвоя были установлены тяжелые кумулятивно-фугасные заряды направленного действия. Если ледокол на полной скорости взломает лед с этими минами, детонация сорока килограммов пластида распорет носовые балластные цистерны, лишив судно хода.

— Стоп машины?! — выкрикнул старпом.

— Полный вперед! — перебил ледяной голос Кирилла.

Северский уже стоял у бронированной двери выхода на правое крыло мостика, натягивая тактические перчатки: — За нами шесть груженных танкеров! Если мы застопорим ход — караван сомнется в кучу! Идти прежним курсом!

И в эту секунду из черной полярной ночи над торосами Новой Земли донесся нарастающий, тяжелый, свистящий рев соосных винтов.

ВЖ-Ж-Ж-И-И-У-У-У!

Из мглы метели на высоте всего двадцати метров над ледовыми полями вынырнули два тяжелых многоцелевых вертолета NH90 морского базирования.

Черные матовые корпуса без опознавательных знаков. По бокам фюзеляжей тускло поблескивали блоки неуправляемых авиационных ракет и скорострельные пулеметные контейнеры.

— Воздух! — взревел вахтенный офицер.

Головной вертолет наемников, не снижая скорости, заложил крутой вираж над конвоем.

Из-под его подвесок со свистом и дымным шлейфом сорвались две неуправляемые ракеты.

Огненные росчерки распорили темноту ночи и с грохотом врезались в полубак замыкающего танкера «Полярная Звезда». Металл фальшборта с визгом разлетелся в клочья, пламя лизнуло палубу, но толстая криогенная защита резервуаров выдержала: автоматические системы пожаротушения газовоза тут же залили нос пеной.

Второй вертолет наемников пронесся над головами, зависнув в пятистах метрах прямо перед форштевнем «Арктики-Лидер».

Боковая дверь вертолета распахнулась.

На ледовое поле по канатам посыпались бойцы штурмовой группы ЧВК в белых маскировочных костюмах. На торосы были сброшены три тяжелых армейских снегохода с пулеметными турелями. Наемники шли на перехват взрывателей, чтобы активировать минные поля вручную, если автоматика даст сбой.

— Орудийный расчет кормового комплекса, огонь по ведущему борту! — рявкнул Кирилл в командирскую гарнитуру, выбивая ногой гермодверь внешнего крыла мостика.

Морозный шквал в минус тридцать ударил ему в лицо вместе с запахом авиационного керосина.

На кормовой надстройке атомохода ожил спаренный морской зенитный ракетно-артиллерийский комплекс «Палаш».

Автоматическая турель с двумя шестиствольными тридцатимиллиметровыми пушками ГШ-6-30К с воем повернула стволы в сторону разворачивающегося над льдом ведущего вертолета картеля.

T-P-P-P-P-P-A-A-A-X!

Темп стрельбы в десять тысяч выстрелов в минуту превратил ночь в сплошной огненный лазерный луч.

Стена бронебойно-зажигательных снарядов вспорола обшивку NH90 за полторы секунды.

Хвостовую балку вертолета перерубило пополам, несущие винты разлетелись снопом обломков. Пылающая тридцатитонная машина наемников с оглушительным ревом рухнула в паковые торосы в полумиле к западу, взорвавшись гигантским огненным шаром, разметающим ледяные глыбы на сотни метров вокруг.

Второй вертолет противника, увидев гибель ведущего, резко задрал нос, отстрелил касеты тепловых ловушек и ушел в снежную мглу в сторону скал Вайгача.

Но диверсанты на льду уже разворачивали боевой порядок.

Трое наемников на снегоходах на полной скорости неслись сквозь торосы к головному заряду минного поля прямо по курсу атомохода. В руках командира группы тускло светился переносной командный радиотерминал подрыва.

До столкновения ледокола с заминированным ледовым щитом оставалось меньше четырехсот метров.

Агния стояла у открытого пульта навигационной связи мостика, не обращая внимания на свист ветра из распахнутой двери.

Ее пальцы стремительно настраивали радиоперехватчик шины РЭБ: — Несущая частота командного пульта наемников: четыреста двадцать восемь мегагерц!

Она заблокировала канал связи, мгновенно считывая кодовую посылку сигнала: — Кирилл, они посылают команду прямого замыкания цепи на детонаторы!

— Перехвати пакет, Агния! — прокричал Северский сквозь грохот ломающегося форштевнем льда. — Инвертируй фазу сигнала!

Агния вбила команду перенаправления: — Инверсия фазы подтверждена! Накладываю встречный радиоимпульс максимальной мощности через судовую антенну связи!

Она с силой ударила по клавише ввода.

Радиопередатчик атомохода мощностью в десять киловатт выбросил в эфир узконаправленный встречный импульс.

На ледовом поле перед носом судна произошла мгновенная электрическая перегрузка.

Команда подрыва, которую командир наемников снегохода послал на мины, отразилась от экранированной брони ледокола и ударила обратно по собственному командному блоку диверсантов.

БА-БАХ! БА-БАХ! БА-БАХ!

Серия из двенадцати тяжелых зарядов пластида сдетонировала одновременно.

Но они взорвались не под днищем атомохода.

Взрывная волна колоссальной силы разорвала ледовый припай прямо под колеями несущихся снегоходов ЧВК.

Огненный смерч поднял в воздух тонны битого льда, снега и обломков техники наемников. Передовая группа диверсантов картеля была стерта в порошок за долю секунды, а в сплошном трехметровом паковом поле перед форштевнем «Арктики-Лидер» образовалась циклопическая полынья чистой, кипящей черной воды шириной в сто метров.

Кирилл вскинул снайперскую винтовку СВ-98 с тепловизором, уперев ствол в леер ограждения мостика.

Его взгляд поймал силуэт последнего выжившего стрелка противника, пытавшегося укрыться за обломком тороса у радиомаяка на скале.

Хлоп.

Бронебойная пуля 7,62 миллиметра пробила кевларовую каску наемника навывлет на дистанции четырехсот метров. Стрелок рухнул в снег, затихнув навсегда.

Ледокол на полной скорости вошел в пробитую взрывом полынью, взрезая остатки ледяной каши, увлекая за собой колонну уцелевших танкеров.

Засада в Карских Воротах была сметена.

В половине третьего дня радиоэлектронные помехи над проливом резко спали.

Генератор РЭБ на скалах Вайгача, лишившись операторов, заглох.

Экраны спутниковой навигации на мостике «Арктики-Лидер» очистились, вспыхнув ровными изумрудными линиями координатной сетки.

Караван преодолел горловину пролива, выходя на оперативный простор Карского моря. Ледовые поля здесь стали тоньше, разбитые океанским течением на широкие поля, сквозь которые атомоход шел на уверенных шестнадцати узлах.

Мельников перевел дух, вытирая пот со лба: — Пролив пройден, Агния Андреевна. Потерь среди танкеров нет. Повреждения «Полярной Звезды» локализованы, герметичность танков сто процентов.

Но Агния не ответила.

Ее взгляд был прикован к экрану радара дальнего обнаружения, работавшего в режиме загоризонтного сканирования.

На дистанции девяти миль к северу, в закрытой ледовой бухте острова Вайгач, радар высвечивал крупную надводную цель водоизмещением около пятнадцати тысяч тонн.

Экспедиционное судно-ледокол высшего ледового класса «*Polar Crown*».

Флагман картеля «Пентаграмма». Стосорокаметровый стальной хищник черного цвета с усиленным корпусом и двумя вертолетными ангарами на корме, притаившийся за кромкой припая.

В эту самую секунду центральная радиостанция мостика на шестнадцатом международном канале безопасности ожила.

Сквозь легкий шелест эфира в динамиках зазвучал чистый, холодный, аристократический женский голос с безупречным оксфордским произношением.

Говорила баронесса Сигрид фон дер Линде — вице-президент картеля «Пентаграмма»: — Мои искренние комплименты, мистер и миссис Северские.

Голос женщины звучал мягко, с той пугающей, вежливой жестокостью, которая не знала жалости: — Вы прошли Карские Ворота. Вы уничтожили моих людей на льду. Признаться, я не ожидала от русской пары столь изысканной тактической выучки.

Баронесса сделала короткую паузу, и в эфире раздался звук перелистываемой бумаги: — Однако ваш поход не имеет смысла. Ровно в ста милях к северо-востоку от вашей текущей позиции дрейфует государственная научная станция «Северный полюс-42».

Агния замерла, вцепившись в край стола.

— Два часа назад мои штурмовые группы высадились на станцию с вертолетов, — продолжала баронесса. — Объект полностью изолирован. В моих руках находятся тридцать ученых-полярников. И главное: подлинник глубоководного керна скважины «Арктическая-1», содержащий государственные образцы шельфовой нефти и редкоземельных металлов, на основании которых Россия заявляет права на хребет Менделеева.

Голос Сигрид фон дер Линде стал подобен лезвию скальпеля: — Если ледокол «Арктика-Лидер» не остановит турбины и не ляжет в дрейф в течение тридцати минут... станция «Северный полюс-42» будет подорвана вместе со всем научным составом. Триста килограммов термита превратят льдину в кипящую бездну.

Баронесса холодно усмехнулась: — Я жду вас на борту «*Polar Crown*». Вы прибудете на вертолете вдвоем. Мы сядем за стол переговоров и подпишем акт о международном разделе Арктики. До встречи во льдах, Агния Андреевна. Время пошло.

Радиостанция умолкла.

В навигационной рубке атомохода воцарилась гробовая, леденящая тишина.

За бронированными окнами простиралась черная полярная ночь, в которой далеко на горизонте горели холодные огни флагмана картеля.

Кирилл медленно подошел к Агнии.

Его пальцы — пахнущие порохом и морозным ветром — тяжело легли на ее плечо, сжав ткань штурмового комбинезона.

В его серых глазах зажглось то самое первобытное, не знающее пощады пламя, которое рождалось перед последней битвой: — Она держит тридцать заложников на дрейфующей льдине, Агния. И она думает, что мы подпишем ее капитуляцию.

Агния подняла глаза на мужа.

На ее губах заиграла та самая спокойная, смертоносная улыбка верховной правительницы империи, перед которой склонялись короли: — Заложников освобождают не подписями, Кирилл.

Она повернулась к капитану ледокола: — Подготовить бортовой вертолет Ка-32 к взлету. Мы летим в гости к баронессе.

Глава 4. Остров ледяных призраков

Свист соосных винтов палубного вертолета Ка-32 глухо отдавался в висках сквозь титановые чашки радиогарнитуры.

В десантном отсеке царил полумрак дежурного красного плафона. За круглыми двойными иллюминаторами на высоте ста метров простиралось мертвое, ледяное безмолвие Карского моря: черная полярная ночь, при температуре минус тридцать четыре градуса казавшаяся сгустившимся жидким азотом, и бесконечный, вздыбленный хаос многолетних торосов.

До истечения тридцатиминутного ультиматума баронессы Сигрид фон дер Линде оставалось ровно четырнадцать минут.

Агния сидела на узком откидном сиденье, пристегнутая четырехточечным ремнем.

Она не сменила полярный штормовой костюм: темно-синяя матовая мембрана, приталенный крой, высокий соболиный воротник, закрывавший шею до подбородка. На коленях лежал тонкий титановый дипломат, где под кодовым замком хранились копии панамских судебных арестов и финансовый архив лорда Харрингтона.

Ее лицо было бледным, но в темных глазах горел тот самый холодный, расчетливый огонь, перед которым отступали британские лорды.

Кирилл стоял в проходе, удерживаясь одной рукой за потолочный леер.

Тяжелый полярный бушлат был расстегнут, открывая бронежилет скрытого ношения. Он проверил механизм подачи патронов в СР-3М «Вихрь», загнал магазин в приемник и уложил автомат в оружейный чехол у переборки: на борт вражеского ледокола с автоматическим оружием их бы не пустили.

Вместо автомата под левый рукав его свитера скользнул узкий, плоский стилет из матовой черной циркониевой керамики — невидимый для металлодетекторов и способный пробить кевларовый пакет насквозь.

Кирилл подошел к Агнии, опустился перед ней на одно колено и заглянул в лицо.

Его пальцы — сильные, горячие, пахнущие морозом и оружейным маслом — осторожно коснулись ее щеки, очертили линию челюсти, заставляя поднять взгляд: — Фон дер Линде — не Барышев, Агния. Она не станет кричать или бросаться с кулаками. Это шведская финансовая аристократия в пятом поколении. Она привыкла покупать правительства целыми пакетами акций.

Северский наклонился ближе, обдавая ее шею сухим теплом: — Она держит тридцать полярников на льдине как щит. Твоя задача — затянуть подписание акта раздела шельфа ровно на двадцать минут. Не спорить в лоб, а ломать ее пунктами финансового аудита. Каждый пункт, каждая запятая — это лишняя минута жизни для людей на станции.

Агния накрыла его ладонь своими пальцами, слегка сжав: — Браслет активен. Радиомаяк начнет трансляцию в ту секунду, когда мы войдем в салон.

Она коснулась тонкого платинового ободка на правом запястье: — Группа «Холуай» успеет выйти на рубеж?

— Успеет, — отчеканил Кирилл. В его серых глазах вспыхнул темный, беспощадный огонь. — Командир группы на связи по скрытой ультракороткой волне. Восемь снегоходов идут на бесшумном электрическом ходу по торосам с востока. В ту секунду, когда твой маяк передаст частоту подрыва, мои пловцы снимут часовых ЧВК на станции за тридцать секунд.

Он прижался губами к ее губам — коротко, жадно, со вкусом полярной соли и абсолютной решимости стоять до конца: — Держи дистанцию, волчица. Если баронесса заподозрит сброс кодов... я вскрою ей горло раньше, чем ее охрана снимет винтовки с предохранителей.

В этот момент вертолет заложил крутой вираж. Двигатели Климова сбавили обороты, переходя на режим планирования.

В иллюминаторах внизу разорвалась тьма: Из ледяного панциря Карского моря выросла циклопическая, залитая неоновым голубым светом громада.

Экспедиционное судно-ледокол высшего арктического класса «*Polar Crown*».

Стосорокаметровый корпус из темного титанового сплава стоял в мертвом припае у скал Вайгача. Вдоль надстройки горели подогреваемые смотровые галереи, кормовой вертолетный ангар был распахнут, а на круглой площадке гелидека мигали зеленые посадочные огни.

Шасси Ка-32 коснулись рифленого настила палубы с глухим ударом.

Мороз в минус тридцать четыре ударил в лицо ледяным бичом, едва сдвинулась боковая дверь вертолета.

На вертолетной площадке «*Polar Crown*» не было снега: палуба обогревалась встроенными змеевиками с горячим гликолем.

Их встретила шестерка бойцов скандинавской частной военной компании в белых маскировочных комбинезонах с черными нашивками пятиконечной звезды в круге — эмблемой картеля «Пентаграмма». В руках наемников тускло поблескивали немецкие штурмовые винтовки НК416 с оптикой ночного видения.

Старший группы — рослый норвежец с окладистой бородой, покрытой инеем, — шагнул вперед, выставив ладонь: — Господин Северский, госпожа Соколовская. Оружие на посадочную площадку.

Кирилл медленно, демонстративно расстегнул бушлат. Достав из кобуры девятимиллиметровый «Удав», он извлек магазин, выбросил патрон из патронника в снег и положил пистолет на предложенный резиновый лоток охранника. Следом лег запасной магазин.

Сканер безопасности скользнул по его телу.

Прибор издал чистый зеленый сигнал: керамический стилет в левом рукаве остался невидим для индукционной катушки.

Агнию не досматривали руками — наемник лишь бегло провел бесконтактным датчиком вдоль ее пуховика и титанового кейса, после чего жестом указал на бронированный тамбур входа в надстройку: — Баронесса ждет вас в салоне «Аврора». Без резких движений, господа.

Они вошли внутрь.

Тяжелая пневматическая дверь захлопнулась, отрезав вой арктического ветра.

Контраст между ледяным кошмаром торосов и интерьером частного ледокола был вызывающим, почти сюрреалистичным: В носовой части судна располагался двухуровневый панорамный салон со стеклянными стенами толщиной в десять сантиметров. Вдоль стен высились стеллажи из беленого арктического дуба, пол устилали огромные шкуры гренландских белых медведей, а в центре пылал трехметровый камин на биотопливе, наполняя воздух теплом и легким ароматом сухого кедра.

За панорамным остеклением мощные судовые прожекторы заливали белым светом причудливые нагромождения трехметровых торосов, создавая иллюзию гигантского ледяного театра.

В центре зала, у низкого столика из полированного базальта, стояла женщина.

Баронесса Сигрид фон дер Линде.

Сорокапятилетняя вице-президент картеля «Пентаграмма» выглядела так, словно только что покинула салон на улице Стуреплан в Стокгольме. Белоснежный брючный костюм из кашемира *Loro Piana*, короткая платиновая стрижка, подчеркивающая скульптурные, хищные скулы, и ледяные, пронзительные голубые глаза цвета талой воды.

В тонких пальцах с короткими перламутровыми ногтями она держала хрустальный бокал с шампанским *Krug*.

За ее спиной, в тени винтовой лестницы второго яруса, замерли четверо наемников с опущенными винтовками.

А на базальтовом столике, рядом с серебряным ведерком со льдом, лежал небольшой плоский предмет: прямоугольный армейский блок радиодетонатора с откинутой защитной крышкой, внутри которого горел ровный, зловещий красный индикатор боевого дежурства.

— Какая редкая пунктуальность, мистер Северский, — голос баронессы прозвучал чисто, мелодично, с безупречным аристократическим оксфордским прононсом.

Она не сделала шага навстречу, лишь слегка приподняла бокал: — Двадцать четыре минуты от объявления условий. Признаться, я полагала, что русские офицеры предпочтут пожертвовать чужими учеными ради сохранения лица.

Ее холодный взгляд скользнул по фигуре Агнии, задержавшись на соболином воротнике и темных глазах девушки: — Агния Андреевна... Наслышана о ваших успехах в Лондоне. Разорить лорда Харрингтона на два миллиарда фунтов — блестящий ход. Жаль только, что лорд был слишком стар и сентиментален для настоящей полярной геополитики.

Агния не сняла перчаток. Она не подошла к камину, чтобы согреть руки.

Она остановилась в трех шагах от базальтового стола, ее осанка оставалась царственной и прямой: — Лорд Харрингтон сидит в камере предварительного заключения в Лондоне, баронесса. А его счета в Панаме и Лихтенштейне заблокированы моим ордером.

Сигрид едва заметно усмехнулась, сделав глоток шампанского: — Лондон далеко, миссис Северская. А Карское море — здесь. За этим стеклом.

Она указала длинным пальцем на базальтовый стол, где рядом с детонатором лежал документ в кожаной папке: — Перед вами генеральное соглашение о демаркации и международном статусе глубоководных месторождений арктического шельфа. Фонд «Север Ассетс» уступает картелю «Пентаграмма» операторские права на геологоразведку хребта Менделеева и пролива Карские Ворота.

Баронесса перевела взгляд на красный диод взрывателя: — Вы подписываете акт прямо сейчас. Взамен я отзываю штурмовую группу со станции «Северный полюс-42». Тридцать полярников возвращаются на ваш ледокол живыми.

Ее тон стал жестким, лишенным светской мягкости: — Если через пятнадцать минут подписи не будет на этой странице... я нажму клавишу. Триста килограммов термита прожгут ледяной купол станции. Ледина толщиной в четыре метра расколется, и научный городок уйдет на дно океана за тридцать секунд. На глубину трех километров.

Кирилл стоял за правым плечом Агнии.

Его пальцы небрежно лежали на ремне походного планшета.

В эту самую секунду платиновый браслет на правом запястье Агнии издал едва ощутимый тепловой микроимпульс.

Передачик захватил частоту пульта детонатора: **433.92 МГц.**

Сигнал пошел по скрытому радиоканалу на спутниковый модем в кармане Кирилла.

Северский едва заметно коснулся костяшкой пальца поясницы Агнии — знак того, что координаты радиочастоты ушли в эфир, к снегоходам штурмовой группы «Холуай», мчавшимся сквозь торосы в двадцати милях к востоку.

Агния медленно расстегнула замки титанового дипломата.

— Вы плохо подготовились к переговорам, баронесса, — произнесла она спокойно, не повышая голоса.

Она достала сшитую синей тесьмой папку финансовых отчетов и положила ее на базальтовый стол: — Вы требуете передачи концессий на основании затрат вашей экспедиции на судне «*Polar Crown*». Восемьдесят миллионов евро.

Агния открыла страницу с графиками межбанковских проводок: — Но этот ледокол строился на верфях в Клайпеде на целевой кредит норвежского фонда *Nordic Arctic Trust*. Кредит, который был полностью перестрахован через панамский оффшор лорда Харрингтона «*Геркулес-Капитал*». Тот самый оффшор, который я обанкротила вчера в полдень.

Глаза Сигрид фон дер Линде сузились. Бокал в ее руке замер.

— Сегодня в девять утра по европейскому времени Коммерческий суд Осло наложил обеспечительный арест на судно *«Polar Crown»* по иску международных кредиторов, — продолжала Агния, чеканя каждое слово с убийственной монотонностью. — Юридически этот ледокол больше не принадлежит картелю. Вы находитесь на арестованном имуществе.

Агния перевернула страницу, указывая на параграф международного права: — Любая сделка, подписанная вами на борту этого судна, является ничтожной с момента ее совершения. Вы не можете требовать шельф, Сигрид. Потому что ваша собственная корпорация признана банкротом во всех арктических юрисдикциях.

Баронесса медленно опустила бокал на серебряный поднос. Хрусталь жалобно звякнул.

Ее платиновые брови сдвинулись, на холеных щеках проступили багровые пятна гнева: — Вы думаете, что можете остановить меня судебными решениями, русская девочка?! Вы думаете, я пришла в этот лед ради котировок на бирже?!

Она шагнула к столу, ее рука зависла над красной кнопкой пульта радиодетонатора: — Мне плевать на суды Осло! Этот шельф принадлежит тем, у кого есть сила его удержать! Время вышло, Агния! Подписывай бумаги, или я утоплю станцию прямо сейчас!

В этот момент в левом ухе Кирилла в микроскопическом радиоприемнике костной проводимости раздался долгожданный, хриплый сигнал связи.

Голос командира штурмовой группы *«Холуай»* сквозь шум полярного шквала прозвучал четко, как удар затвора: *«“Кориун”, это “Тайфун-1”. Станция СП-42 защищена. Часовые наемников сняты бесшумно. Проводные линии термитных зарядов перерезаны. Все тридцать ученых живы, научный городок под контролем морской пехоты. Угрозы подрыва нет!»*

Кирилл не стал ждать ни доли секунды.

Его тело сработало на абсолютных армейских рефлексах.

Керамический стилет выскользнул из рукава прямо в его правую ладонь.

Сделав один молниеносный, сокрушительный шаг вперед, Северский перемахнул через низкий базальтовый столик.

Его левая рука железным замком сомкнулась на горле баронессы Сигрид фон дер Линде, сбив ее дыхание и вздернув женщину вверх. Черное лезвие циркониевого клинка с микроскопической точностью уперлось прямо в ее сонную артерию, вдавив бледную кожу до первой капли крови.

Четверо наемников за спиной баронессы вскинули винтовки НК416: — Оружие от нее! Стреляю!

— Опустили стволы, твари! — прорычал Кирилл. В его голосе загремела та самая первобытная, сокрушительная тьма, которая не оставляла пленных. — Одно движение — и я снесу ей голову раньше, чем вы снимете предохранители!

Агния подошла к столу, смахнула пульт детонатора на пол и с размаху наступила тяжелым армейским ботинком на пластиковый корпус, раздавив микросхемы в крошево.

— Станция «Северный полюс-42» свободна, Сигрид, — ее голос прозвучал с леденящей высоты победителя. — Ваши люди на льдине нейтрализованы. Заложников больше нет.

Баронесса судорожно хрипела в железной хватке Кирилла.

Ее платиновая стрижка сбилась, в глазах цвета талой воды впервые вспыхнул дикий, животный ужас загнанного хищника: — Вы... вы не посмеете... Это нейтральные воды...

— Плевать на нейтральные воды, — Кирилл нажал лезвием чуть сильнее, заставив ее запрокинуть голову. — Где контейнер со скважины «Арктическая-1»? Где керн, ради которого вы убили Валдайцева?!

Сигрид скосила глаза в сторону резного шкафа из беленого дуба в углу салона: — В... во встроенном сейфе... Код четыре-ноль-семь...

Агния подошла к шкафу, распахнула дверцу и ввела комбинацию на сенсорной панели стального сейфа.

Тяжелая ригельная заслонка отошла с мягким щелчком.

Внутри сейфа лежал массивный цилиндрический контейнер из полированного титана с маркировкой государственной геологоразведочной службы: *«Скважина Арктическая-1 / Глубина 3840 м / Керн-0»*.

Агния достала тяжелый цилиндр, откинула герметичные латунные защелки и повернула крышку.

Внутри, в капсуле из бронированного кварцевого стекла, лежал керн донной породы — полуметровый цилиндр спрессованного базальта и донного ила.

Агния достала из походного кармана портативный спектрометр-анализатор и поднесла оптический датчик к породе.

Прибор пискнул, выводя на дисплей данные химического анализа.

Агния замерла.

Цвет ее лица изменился. Ее пальцы на титановом корпусе онемели.

— Кирилл... — ее голос прозвучал странно тихо, оборвав тишину салона.

Северский не ослаблял хватку на шее баронессы: — Что там? Нефть? Редкоземельные металлы?

— Здесь нет нефти, — Агния медленно повернулась, держа контейнер перед собой. В ее глазах плескался немой, сокрушительный шок: — В этой породе следы распада цезия-137, стронция-90 и концентрированные остатки фосфорорганических соединений боевого газа VX.

Она перевела ледяной взгляд на хрипящую баронессу: — Это не образцы шельфовых месторождений. Это пробы грунта из тайного подводного могильника.

Сигрид фон дер Линде криво, ядовито усмехнулась сквозь лезвие у своего горла: — Догадалась... русская сука...

— Картель «Пентаграмма» не искал нефть, — отчеканила Агния, и каждое ее слово падало как погребальный колокол. — В девяностые годы натовские подводные лодки тайно затопили в желобе Святой Анны в Карском море сотни контейнеров с радиоактивными отходами военных реакторов и химическим оружием. Валдайцев во время бурения случайно вскрыл этот пласт.

Она сделала шаг к баронессе: — Вы убили лоцмана и пытались захватить станцию не ради концессий. Вы пытались скрыть следы величайшего военного экологического преступления в истории Арктики! Если эти данные попадут в ООН — ваши правительства пойдут под международный трибунал!

— Они никогда туда не попадут, — прошипела Сигрид.

Ее левая рука, опущенная вдоль тела, судорожно рванула шнур аварийного пожарного оповещения, вмонтированный в плинтус камина.

ЩЕЛК.

В потолке салона «Аврора» с оглушительным ревом сработала система автоматического пожаротушения высокого давления.

Из форсунок под давлением в сорок атмосфер хлынули тонны плотной, непроницаемой белой пены, заполнившей зал за две секунды. Одновременно сработали звуковые светозвуковые заряды аварийного сброса.

Видимость упала до нуля.

Наемники ЧВК открыли беспорядочный шквальный огонь сквозь пену: *БАХ! БАХ! БАХ!*

Пули винтовок НК416 разносили в щепки дубовые стеллажи и витрины с хрусталем.

Кирилл в ту же миллисекунду отбросил баронессу в сторону, сбил Агнию на ковер и накрыл ее своим телом, прижимая к полу титановый контейнер с керном.

— К трапу! — прорычал он сквозь рев сирен.

Используя пену как укрытие, Кирилл вскинул выхватенный пистолет одного из наемников, всадил три пули в силуэты стрелков у лестницы и потащил Агнию к аварийному выходу на вертолетную палубу.

Но в этот момент палуба под их ногами содрогнулась от чудовищного внутреннего гидродара.

БУ-У-УМ!

Глухой взрыв в машинном отделении ледокола разорвал переборки на нижних ярусах.

Сигрид фон дер Линде активировала протокол аварийного самозатопления: кингстоны судна «*Polar Crown*» были подорваны изнутри. Ледяная вода Карского моря хлынула в машинное отделение, корабль начал медленно крениться на правый борт с протяжным стоном рвущейся стали.

Они вывалились сквозь перекошенную гермодверь наружу — на ледяной шквал вертолетной палубы.

Мороз в минус тридцать четыре обжег мокрые от пены лица.

Внизу, у борта тонущего ледокола, с ревом дизелей уже срывались с ледового припая три тяжелых гусеничных арктических вездехода-амфибии Hägglunds BV206.

В головном вездеходе захлопнулась дверь: баронесса Сигрид фон дер Линде с остатками своей охраны уходила по торосам в черную мглу полярной ночи — на северо-запад, в сторону закрытой военной базы картеля на архипелаге Шпицберген.

«*Polar Crown*» оседал в воду, взламывая лед вокруг себя с пушечным грохотом.

Ка-32 контрразведки на вертолетной площадке был смят накренившейся мачтой антенны связи и сорвался в полынью.

Кирилл и Агния перемахнули через леерное ограждение тонущего борта, скатившись по снежной насыпи прямо на торосы векового пака.

Они стояли посреди бескрайнего ледяного поля.

В руках Агнии был сжат титановый контейнер с «Керном-ноль» — главной уликой против мировой элиты.

А с севера, затягивая горизонт свинцовой мглой, надвигался шестидесятиградусный арктический буран, способный превратить человека в ледяную статую за десять минут.

И в этот момент сквозь черную стену метели в полумиле от них вспыхнули два исполинских луча ксеноновых прожекторов.

Оглушительный, победоносный рев судового тифофона разорвал темноту ночи: *ТУ-У-У-У-У-У-У!*

Атомный ледокол «Арктика-Лидер», взламывая трехметровые торосы, шел прямо на них, пробивая дорогу сквозь лед.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.